

НОВЫЙ
мировой порядок

ДЖЕННИФЕР РУДОЛЬФ
МАЙКЛ СУНЬИ

КИТАЙСКОЕ ЧУДО

MADE IN CHINA

Критический взгляд
на восходящую державу

Новый мировой порядок

Дженнифер Рудольф

**Китайское чудо. Критический
взгляд на восходящую державу**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

Рудольф Д.

Китайское чудо. Критический взгляд на восходящую державу /
Д. Рудольф — «Издательство АСТ», 2018 — (Новый мировой
порядок)

ISBN 978-5-17-113811-0

Эта книга включает в себя статьи и эссе от мировых экспертов, работающих с Центром китаистики Фэрбенка при Гарвардском университете, который вот уже шестьдесят лет является ведущим исследовательским институтом мира по изучению Китая. Авторы анализируют прошлое, настоящее и будущее Китая, исследуют историю и развитие китайской цивилизации, рассматривают актуальные проблемы и пути их решения, и дают ответы на самые волнующие вопросы об одной из важнейших наций мира. Станет ли Китай лидером Азии? Что является причиной межэтнической напряженности в Китае? Что значит долголетие для руководства Китая? Подрывает ли внешне политические интересы Китая его исключительность? Насколько сильны вооруженные силы Китая? Могут ли сохраниться высокие темпы его роста? Чему Китай может научить нас в области борьбы с бедностью? Удалось ли китайской пропаганде завоевать сердца и умы? Какое будущее у китайского прошлого? Все это показывает, что опыт Китая – как его неоспоримые успехи, так и поучительные провалы – может послужить на пользу другим странам. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

ISBN 978-5-17-113811-0

© Рудольф Д., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Предисловие	7
I. Политика	12
1. Легитимен ли коммунистический режим Китая?	12
2. Может ли борьба с коррупцией спасти партию?	16
3. Мао все еще что-то значит?	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дженнифер Рудольф, Майкл Суньи

Китайское чудо. Критический взгляд на восходящую державу

Jennifer Rudolph

Michael Szonyi

The China Questions. Critical insights into a rising power

© 2018 by the President and Fellows of Harvard College

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*К 60-летию Центра китаистики Фэрбенка при Гарвардском
университете*

Предисловие

Майкл Суньи

Если вы держите в руках эту книгу, то вы, вероятно, уже согласились с утверждением, что Китай важен для изучения, а следовательно, важно понимать Китай. Нельзя обходить вниманием, что происходит с пятой частью населения планеты. Но сегодня Китай важен не только для самих китайцев, не только для американцев, но и для всего мира, важен с новых, неожиданных и интересных точек зрения – и не только из-за огромной и продолжающей расти роли Китая в мировой экономике. Ни одну из множества насущных проблем нашего мира – от глобального потепления до экономического роста, от безопасности судоходства до противодействия терроризму – нельзя решить или даже эффективно приступить к ее решению без участия Китая. Именно эта реальность, а не просто объем торговли, и делает отношения США и Китая важнейшим двусторонним взаимодействием XXI века.

Еще один новый и для многих неожиданный аспект важности Китая – как бы то ни было, его политика оказывает все более заметное влияние за его пределами. Будь то Инициатива «Пояса и пути»¹ или доля в истощении мирового рыболовства, действия китайского правительства и народа оказывают воздействие на всех нас. Кроме того, изменилась роль Китая на мировом рынке идей. И в столь разнообразных областях, как концепции экономического развития, ликвидации бедности, проблемы старения и психического здоровья, уменьшение загрязнения окружающей среды и возобновляемые источники энергии, обратить внимание на некоторые идеи Китая было бы весьма разумно. Это вовсе не означает, что мы должны принимать методы Китайской Народной Республики (КНР) во всех их проявлениях. У многих американцев есть существенные возражения по поводу различных аспектов китайского государственного управления и политики (кстати, как и у многих китайцев). И все же о позиции Китая по этим вопросам лучше знать больше, а не меньше.

Раз Китай важен, важно понимать Китай. В определенном плане, вполне очевидном, понимать Китай сейчас легко как никогда. Количество доступной американцам информации о Китае растет так же стремительно, как и экономика этой страны. Американцы посещают Китай в рекордном количестве. Все больше людей даже изучают китайский язык (хотя им далеко до числа китайцев, изучающих английский). Все ведущие мировые СМИ представлены в Китае, что означает: когда Китай появляется в заголовках газет – а это происходит почти каждый день, – о нем рассказывают журналисты мирового класса. Но даже лучшие и наиболее нейтральные корифеи журналистики в основном интересуются актуальными новостями – как это и должно быть. Они склонны фокусироваться на наиболее заметных или поразительных моментах – от журналистов нельзя ожидать глубоких познаний в любой теме, которую они освещают. Все больше информации о Китае поступает к нам от самих же китайцев, которые все чаще пишут и публикуются на английском. Но то, что они видят ситуацию в Китае изнутри, не обязательно означает, что они лучше понимают ее. Кроме того, сегодня у американцев также есть доступ к информации о Китае из собственных китайских государственных СМИ, которые начали агрессивную глобальную экспансию несколько лет назад. В них представлен – что неудивительно – собственный образ Китая, столь же положительный, сколь отрицательным он бывает в некоторых американских СМИ. И потому, несмотря на рост количества доступной информации о Китае, извлечь из нее рациональное зерно все еще трудно. Мы даже могли бы

---

¹ Выдвинутое КНР в 2013 году предложение по объединению и развитию сухопутного и морского пути из Китая в Европу (прежнее название – «Один пояс – один путь»). – *Примеч. ред.*

сказать, что у США точно такой же дефицит понимания с Китаем, как и дефицит торговли с ним.

Вот почему мы выпустили этот сборник. Мы пригласили 36 ученых, чтобы узнать, какой главный вопрос, по их мнению, американцам следует задать о прошлом, настоящем или будущем Китая. А затем предложили им ответить на этот вопрос. Каждый из наших авторов – эксперт, опирающийся в своей работе на десятилетия исследования и анализа этих фундаментальных вопросов. Они всесторонне обдумали свои вопросы и возможность кратко изложить наиболее актуальные проблемы, признавая при этом их многогранность.

Вошедшие в эту книгу статьи несут в себе несколько ключевых посланий о прошлом, настоящем и будущем Китая. Главное в его прошлом – история, в настоящем – многогранность, в будущем – стоящие перед Китаем вызовы.

Прошлое

Сегодняшний Китай – совершенно новая страна? Или же прошлое все еще играет для него некую роль? Можно легко возразить: история в современном Китае не имеет значения, невероятные преобразования последних сорока лет говорят о том, что Китай полностью устремлен в будущее, а отход Коммунистической партии Китая (КПК) от генеральной линии означает, что для Китая важно будущее, а не прошлое. Но такой вывод был бы слишком поспешным.

С одной стороны, Китай не так давно совершил неудачную попытку уничтожить свою историю во время Великой пролетарской культурной революции и других массовых движений маоистской эры. Сяофэй Тянь пишет в этой книге о «парадоксе стремления [Культурной революции] разрушить прошлое и создать новое общество», хотя само это движение «коренилось в прошлом». Во многих главах приводится эта или другие причины подчеркнуть важность истории. Ведь понять, почему китайский народ так негодует по поводу визитов японских лидеров в святилище Ясукуни² или движения за независимость Тайваня, попросту невозможно без понимания истории, стоящей за этими вопросами.

История важна еще и тем, что привлекает наше внимание к некоторым любопытным случаям преемственности, которая каким-то образом сохранилась, несмотря на столетия радикальных перемен. Питер Бол указывает, что напряженные отношения интеллектуалов и политиков – вечная особенность китайского общества, которая может помочь нам проникнуть в суть текущих политических дебатов в Китае. Родерик Макфаркухар демонстрирует, что Си Цзиньпин явно брал пример с Мао Цзэдуна, при всем их различии. Юйхуа Ван фокусируется на проблеме, с которой столкнулись – и продолжают сталкиваться – китайские лидеры в попытках сохранить власть перед лицом вызовов от могущественной элиты.

Наверное, самый веский и неожиданный аргумент, почему история важна для современного Китая, – это то, насколько серьезно воспринимает ее правящая КПК. Отсылки к истории сыграли важнейшую роль в методе, которым КПК утверждает легитимность своей власти, вплоть до того, что в 2013 году ее Главное управление выпустило документ, запрещающий публичное обсуждение «исторического нигилизма». Историческим нигилизмом этот документ на самом деле называет любое критическое суждение о собственной истории партии. КПК уже не ограничивается статусом наследницы идей немецкого философа XIX столетия Маркса – она оправдывает свое существование аргументами о наследовании, передаче и развитии пяти-тысячелетней истории китайского народа.

---

² Ясукуни-дзиндзя – синтоистское святилище («храм мира в стране»), расположенное в Токио. Несмотря на название, в некоторых странах Азии, и главным образом КНР, ассоциируется с японским милитаризмом. – *Примеч. ред.*

Все авторы этой книги, затрагивающие вопросы истории, сходятся во мнении, что для понимания прошлого Китая важнейшее значение имеет критическая оценка (как раз то, что КПК называет историческим нигилизмом), а не пережеванная официальная версия. Так, в то время как правительство и пресса КНР зачастую утверждают, что на протяжении всего XX столетия Япония упорствовала в своей враждебности к Китаю, Эзра Фогель демонстрирует, что на самом деле это не соответствует действительности. Далее, утверждения о едином истоке китайской цивилизации или об историческом Шелковом пути – это не нейтральные заключения на основании объективных археологических данных, они мотивированы конкретными интересами. Необходимо критическое понимание истории, чтобы делать взвешенные выводы о таких утверждениях.

Мы не хотим сказать, что влияние истории Китая на современность делает его уникальным или даже исключительным. Ни одну страну, ни один режим, ни одно общество нельзя понять в полной мере, не понимая их историю и культуру. Но важная роль истории в современном политическом дискурсе – не говоря уже о самосознании многих обычных китайцев – означает, что в Китае, возможно, история имеет особое значение.

Настоящее

Если современный Китай можно в наилучшей степени охарактеризовать одним словом, то это слово – многогранность. Старшее поколение, возможно, еще помнит фотографии китайских городов начала 1980-х годов, где преобладали бетонные здания в советском стиле, расцветки и стили одежды были в большинстве своем однообразны, а велосипеды встречались повсюду. Сегодняшний Китай выглядит совершенно иначе – крупные города стали центрами архитектурных инноваций, моды и роскошных автомобилей. Но значимая многогранность заходит гораздо дальше внешнего облика. Многогранна китайская политика, многогранно китайское общество, многогранен китайский народ. Даже внешне однозначное утверждение вроде «в Китае авторитарная политическая система» утратило свою однозначность. Китайское партийное государство во многом отошло от регулярного вмешательства в жизнь обычных людей. Но даже после окончания политики «Одна семья – один ребенок» оно продолжает ограничивать репродуктивную свободу населения. Сохранился и огромный аппарат пропаганды, хотя, как указывает Цзе Ли, восприятие этой пропаганды становится порой ироничным. В западном мышлении долго держалось наивное мнение, что китайская политическая система станет более похожей на нашу по мере развития экономики Китая. Но теперь стало ясно, что в Китае на наших глазах создается новый вид политической системы.

Китайское общество многогранно. В нем пролегли новые резкие разломы между городом и селом, молодежью и стариками, богатыми и бедными. Экономический рост создал новый средний класс: сотни миллионов сильных и развивающихся людей – с новыми ожиданиями и запросами. Принятие экономической реформы как правительством, так и обществом создало новый общественный договор, который не признали бы ни Маркс, ни Мао, но по которому непрерывное экономическое развитие критически важно для поддержки существующего порядка населением. В более широком смысле реформа выпустила на свободу обширный спектр новых социальных сил, к которым КПК тяжело приспособиться и которые она не в состоянии так легко контролировать.

Многогранность очевидна не только на социальном уровне, она распространяется и на уровень отдельных людей. Реформа коренным образом изменила понятие, что значит быть человеком в современном Китае. Как указывает Артур Клейнман, возникает новое «китайское самосознание» – более индивидуальное, более глобализованное. Китайцы отвечают на знакомые вопросы «что значит достойная жизнь?» по-новому. Они задают и новые вопросы, в том числе такие, которые никогда не пришли бы в голову их родителям. Что такое экологич-

ная жизнь? Где должны проходить границы государственной власти? Недавно разбогатевшие филантропы спрашивают, как лучше всего поделиться с обществом. И в пору религиозной неопределенности, меняющихся семейных норм и стремительно развивающегося здравоохранения многие спрашивают: что такое достойная смерть?

И снова: мы не хотим сказать, что Китай более или менее многогранен, чем другие общества. Любое общество многогранно. Скорее речь идет о том, что понимание этой многогранности – ключ к наилучшему пониманию сегодняшнего Китая.

Будущее

Некоторые авторы исследуют масштабные вызовы, с которыми Китаю, и в частности китайскому правительству, предстоит столкнуться в будущем. Сможет ли КПК успешно искоренить коррупцию? Сохранит ли легитимность по мере того, как ее революционные истоки будут терять релевантность?

И, самое главное, продолжится ли экономический рост? В отличие от некоторых аналитиков, тщательно подбирающих или хорошие, или плохие признаки, все наши авторы стремятся к сбалансированному видению этих направлений возможного риска. И, что еще более важно, они задаются вопросом, какие ресурсы доступны Китаю для решения этих проблем, и далее – с какой вероятностью эти проблемы будут решаться упорядоченным или хаотическим способом. Это вопросы, которые отразятся на нашем общем будущем.

Наши авторы дают множество советов – китайскому правительству, правительству США, а в некоторых эссе и всему населению мира. Как бы то ни было, Китай справляется с вызовами, и вне зависимости от того, прислушивается ли он к советам наших авторов, способен ли поддерживать высокий темп экономического роста и сохранить политическую и социальную стабильность, нам всем есть чему поучиться на сегодняшнем опыте Китая. Речь не о том, что существует какая-то «китайская модель», полностью применимая в других контекстах, а лишь о том, что опыт Китая – как его неоспоримые успехи, так и поучительные провалы – может послужить на пользу другим странам в области продвижения экономического развития и сокращения бедности, организации ухода за престарелыми и психического здоровья, и даже в сфере реструктурирования образования или выработки энергии.

Разумеется, прошлое, настоящее и будущее связаны между собой. Политические решения, принятые в прошлом, влияют на ситуацию в настоящем и продолжают влиять в будущем – так, решения относительно образования, здравоохранения и инфраструктуры, принятые в маоистскую эпоху, определяют варианты, доступные китайскому руководству сегодня. Кто-то может пойти даже дальше и задаться вопросом, как идеи о политической организации, существовавшие до основания КНР, или идеи о роли религии обществе продолжают давать информацию, что думают китайские чиновники о настоящем и будущем. И необыкновенный резонанс между тем, как китайские интеллектуалы представляли себе будущее сто лет назад, и тем, как Китай действительно выглядит сегодня, на который указывает Дэвид Дэр-вэй Ван, создает ощущение, что то воображаемое «будущее» стало реальностью.

Эксперты, придерживающиеся самых разных взглядов, могут помочь нам понять историю, многогранность и вызовы. Нет никакого секрета, почему мы пригласили именно этих экспертов по китайским вопросам, а не других. Все они – ученые, работающие с Центром китаистики Фэрбэнка³ при Гарвардском университете. Всю свою шестидесятилетнюю историю Центр Фэрбэнка стремился стать ведущим исследовательским институтом мира по изучению Китая. И, хотя основным приоритетом центра остается научная работа, он всегда играл также общественную роль. Наш основатель Джон Кинг Фэрбэнк подготовил не только поколения

---

³ Вся актуальную информацию можно найти на сайте <https://fairbank.fas.harvard.edu/>

ведущих историков-китаистов, но и таких журналистов, как Теодор «Тедди» Уайт, Гаррисон Солсбери и Ричард Бернштейн. Ближе к сегодняшнему дню Центр Фэрбэнка принимал у себя не только ученых, но и власть предержащих, диссидентов и даже управляющих корпорациями. А некоторые члены сообщества Центра Фэрбэнка всегда ощущали свою обязанность выйти за пределы башни из слоновой кости и помочь просвещению общественного мнения и формированию государственной политики. Мы полагаем, что в период, когда отношения США и Китая движутся в неизведанные воды, наша общественная роль по просвещению и информированию руководящих кругов важна как никогда.

I. Политика

1. Легитимен ли коммунистический режим Китая?

Элизабет Дж. Перри

Нет более важного вопроса для стабильности и выживания политического режима, чем вопрос народной легитимности. Имеет ли в глазах своего народа правящий режим «право руководить»? Чувствуют ли граждане моральное обязательство соглашаться с авторитетом правящего режима, даже если они порой не одобряют отдельные направления политики или отдельные фигуры? Связь с долговечностью режима очевидна – разве что самые жесткие полицейские государства могут продержаться долгое время без общего признания легитимности режима со стороны масс.

Знаменитый социолог Макс Вебер, писавший более ста лет назад, обозначил три основных источника легитимности режима: традиционный, харизматический и рационально-легальный. При традиционном типе люди повинуются распоряжениям государства просто потому, что таков обычай. Вебер указывал на императорский Китай как на типичнейший пример. Революция 1911 года, заменившая двухтысячелетний период империи новой республиканской формой правления, вдребезги разбила традиционную легитимность Китая. При харизматическом типе легитимности режима покорность народа происходит из преданности верховному лидеру. Многие ученые определяли маоистский Китай как классический случай харизматического правления. Ореол Мао Цзэдуна как верховного лидера коммунистической революции, восстановившей суверенитет Китая, сиял ярче, чем у любого его современника или последователя. Его смерть в 1976 году закрыла главу о харизматической легитимности. Что же до рационально-легального типа легитимности, лежащего в основе современных демократий, здесь повиновение граждан базируется на безличных законах и бюрократических административных процедурах. Но мало кто из наблюдателей мог бы сказать, что в долгой авторитарной истории Китая когда-либо преобладала рационально-легальная форма легитимности, – сегодня, как и в прошлом, верховенство человека вновь и вновь перевешивает верховенство закона.

Разумеется, в постмаоистский период прилагались усилия по созданию рационально-легального типа легитимности через различные институциональные реформы: созыв регулярных конгрессов партии и правительства, уточнение зон ответственности того и другого института, выстраивание коллективного лидерства с отдельным кругом обязанностей различных членов Постоянного комитета Политбюро, установление обязательного пенсионного возраста и предельного срока полномочий для партийных и правительственных чиновников и т. д. Но, похоже, в недавние годы движение в сторону институционализации повернуло в обратную сторону. При Си Цзиньпине власть вновь централизовалась на фигуре верховного лидера, вновь утвердилось безусловное превосходство партии над правительством, а нормы в отношении возраста и срока полномочий подверглись пересмотру в преддверии XIX съезда КПК⁴.

Но если ни один из трех типов легитимности по Веберу не применим к современному Китаю, как объяснить тот парадокс, что сейчас – когда прошло более сорока лет после смерти Мао и почти тридцать лет после падения коммунизма по всей Центральной Европе – коммунистический режим в Пекине продолжает твердо стоять на ногах? Конечно, принуждение отчасти объясняет выживание режима, но это не все. Службы внутренней безопасности дей-

---

⁴ Состоялся 18–24 октября 2017 года. – *Примеч. ред.*

ствуют в Китае не столь беспардонно и безжалостно, как при некоторых предшествующих коммунистических режимах (сравните, например, восточногерманскую Штази). Кроме того, многочисленные опросы общественного мнения, проведенные самыми разнообразными структурами, сходятся в том, что поддержка китайского коммунистического режима со стороны населения все еще удивительно сильна. В своей работе «Популистский авторитаризм» (*Populist Authoritarianism*) политолог Вэньфан Тан констатирует: «При оценке политической поддержки по различным параметрам, включая доверие к ключевым политическим институтам, национальную идентичность, удовлетворенность эффективностью правительства, поддержку собственной политической системы или текущих лидеров, китайские респонденты последовательно демонстрировали один из высочайших уровней поддержки из всех стран и регионов, где были доступны данные опроса... Общий уровень политической поддержки в Китае значительно выше, чем во многих либеральных демократиях» (159).

Конечно, поддержка не равна легитимности. Поддержка своих политических лидеров и их программ не означает признания за режимом морального права руководить страной. Пытаясь объяснить парадоксальную долговечность режима в современном Китае, некоторые ученые, в том числе Динсинь Чжао и Юйчао Чжу, предполагали, что КНР выживает лишь силой инструментальной «эффективной легитимности», производной от впечатляющего экономического роста в постмаоистский период и сопутствующего увеличения влияния Китая на международной арене. Однако народная поддержка, порожденная лишь благоприятными результатами правления, не является «легитимностью» в понимании Вебера. Знаменитая веберовская типология возникла из более глубокого вопроса: почему некоторые режимы, даже перед лицом неблагоприятных результатов, продолжают пользоваться народным доверием. Вопрос весьма актуальный для современного Китая, где замедляющая рост экономика и ухудшающаяся международная ситуация угрожают подорвать ошеломительные успехи недавних десятилетий. Станет ли истощение политической поддержки в условиях трудностей предвестием падения режима, как пророчат сторонники «эффективной легитимности», или же китайский коммунистический режим пользуется народной легитимностью такого уровня, который может позволить ему противостоять серьезным внутренним и мировым проблемам, встающим на горизонте?

Из-за ограничений свободы слова невозможно наверняка узнать, считается ли авторитарный режим легитимным в глазах своего народа. Но очевидно, что вопрос легитимности режима заботит не только тех, кто изучает Китай, но и тех, кто им правит. Ван Цишань, главный разработчик и исполнитель антикоррупционной кампании Председателя Си Цзиньпина, сам поднял эту тему на встрече с иностранными государственными деятелями осенью 2015 года. Выступая в защиту легитимности КПК, Ван не ссылаясь на традицию, харизму или рационально-легальный авторитет, не упоминал он и эффективность режима. Зато он указал на историю. И как он особо подчеркнул, «легитимность Коммунистической партии Китая берет начало в истории и опирается на волю и выбор народа».

Идея могущественной и популярной «исторической легитимности» в качестве объяснения авторитета КПК весьма заманчива. Но и неоднозначна по своей сути. В стране, которая может похвастаться примерно пятидесятилетней историей, девятидесятилетняя КПК может претендовать лишь на крошечную долю в легендарном прошлом Китая. К добру или к худу, но прошлый век стал свидетелем мгновенной перемены, которая произошла по большей части по инициативе КПК. Коммунистическая революция (1921–1949) сама по себе была необыкновенным подвигом, поскольку разношерстная крестьянская армия выходила победительницей из сражений с превосходящей военной мощью японцев и националистов. Кроме того, всего за несколько лет после своего революционного восхождения к власти КПК сумела изгнать «иностранный империализм» (в первую очередь для того, чтобы на некоторое время заменить его «советским ревизионизмом»), осуществить масштабную (хотя и кровавую) земель-

ную реформу, коллективизировать и национализировать сельское хозяйство и промышленность и обеспечить своему народу базовую медицинскую помощь и образование. Вероятно, эти исторические свершения действительно обеспечили повсеместное принятие КПК и ее верховного лидера Мао Цзэдуна. Но остальной период правления Мао пробуждает не столь позитивные воспоминания. Антиправое движение 1957 года заставило замолчать многих наиболее одаренных интеллектуалов Китая. «Большой скачок» 1958–1960 годов обернулся страшнейшим голодом в истории человечества, повлекшим за собой десятки миллионов жертв. Культурная революция 1966–1976 годов вызвала ожесточенную борьбу фракций, застой в прибыли и «десять потерянных лет» в высшем образовании и экономическом прогрессе. И в самом деле, мантра нынешнего руководства о «сохранении стабильности», призывающая к значительным вложениям государства в наблюдение и безопасность, объясняется как необходимая мера для предотвращения рецидива смуты, омрачившей ранние периоды истории КНР.

Таким образом, старания Коммунистической партии Китая облачиться в мантию исторической легитимности поднимают кое-какие спорные вопросы. Каким именно эпизодам многогранной истории Китая следует доверить полномочия вручить КПК нерушимое «право руководить»? И насколько долговечна такая легитимность, особенно в условиях, когда объективное исследование может противоречить официальной версии событий, на которых якобы базируется легитимность режима?

КНР рассчитывает найти дипломатичный ответ на эти вопросы путем жесткого партийного контроля интерпретации политики и истории Китая. Как сообщают многие информационные агентства, в мае 2016 года Председатель Си Цзиньпин возглавил национальный симпозиум по философии и социологии, где призвал развивать новые аналитические подходы, проникнутые «китайскими характеристиками», подходящими для «социалистических практик» страны. Си подчеркнул, что в этом упражнении по теоретизированию лидерство Коммунистической партии играет центральную роль. Он предложил приложить усилия, чтобы «воспитывать, развивать и в полной мере использовать» многочисленных интеллектуалов, работающих в области философии и социологии, и таким образом гарантировать, что они будут «рупорами передовой мысли, первопроходцами научного исследования, наставниками общественной этики и верными сторонниками руководящей роли партии».

Си Цзиньпин, несомненно, справедливо полагает, что воспитание лояльной интеллигенции, стремящейся дать достоверное обоснование продолжающемуся правлению Коммунистической партии, имеет ключевое значение для выживания партии в долгосрочной перспективе. Как объясняет Питер Бол в своей работе, вошедшей в настоящий сборник, многие века правители Китая зависели от интеллектуалов, помогавших конструировать политическую легитимность, – обязанность, часто включавшая в себя переписывание истории. Но сегодня выполнить такое поручение отнюдь не просто. Если китайская история должна выступить главным судьей легитимности режима, что делать с неудобным фактом, что политические институты и идеология КНР почти полностью импортированы из Советского Союза и крайне мало похожи на институты и идеологию дореволюционного Китая? Для режима, стремящегося представить себя хранителем пяти тысячелетий «достопадной» китайской истории, это действительно проблема. Даже если бы притязания на легитимность основывались лишь на заслуге КПК по «восстановлению» территориальной целостности и национального суверенитета Китая с основанием КНР в 1949 году, эта точка зрения вызывает сомнения. На протяжении большей части своей истории Китай был физически разобщен, его воображаемое согласие заключалось скорее в культурном, а не политическом единстве. Как иронически замечает историк Питер Пердью, географическая территория, которую современная КНР считает своей по праву рождения, была завоевана в полном объеме лишь в XVIII веке, когда императорский трон занимала чужеземная маньчжурская династия.

КПК все еще может черпать из резервуара легитимности, накопленного во время и после ее революционного восхождения к власти, но даже самый глубокий резервуар в конце концов испарится, если его регулярно не пополнять. Невыполненные обещания коммунистической революции еще не полностью изучены, не говоря уже об их реализации. КПК объявила мораторий на исследование своих исторических ошибок, осудив такие дискуссии, как одну из «семи запретных тем», публичное упоминание которых влечет за собой незамедлительные репрессивные меры.

Усилия по укоренению легитимности режима в искаженном переписывании исторической памяти вряд ли могут выдержать напор критики в долгосрочной перспективе. Серьезная попытка внедрить идеалы социальной справедливости, когда-то помогавшие вдохновить коммунистическую революцию, может быть более надежным фундаментом для строительства морального обоснования правлению КПК. Для этого нужно нечто большее, чем антикоррупционная кампания, направленная против злоупотребления служебным положением, – здесь требуются решительные меры, чтобы существенно сократить гигантский разрыв между богатыми и бедными, сопровождавший экономические реформы постмаоистского периода. Призыв Си Цзиньпина к «направленной ликвидации бедности» в малообеспеченных деревнях, несомненно, является шагом в верном направлении, но это только один шаг. Более решительный подход мог бы обеспечить поддержку благодаря древней китайской концепции мандата Небес, где народная легитимность правителя основывается на всеобъемлющей заботе о благе общества.

Если китайский коммунистический режим продолжит пользоваться остатками исторической легитимности, она рискует истощиться из-за действий сегодняшнего руководства. И все же это не говорит с полной уверенностью о неизбежной утрате легитимности авторитарным режимом – единственным окончательным доказательством является падение такого режима.

2. Может ли борьба с коррупцией спасти партию?

Джозеф Фьюсмит

Коррупция в Китае не новость. Студенты, протестовавшие на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, обличали «незаконное обогащение чиновников». Три года спустя, сразу же после поездки Дэна Сяопина в особую экономическую зону Шэньчжэнь, недалеко от Гонконга, коррупция взлетела вверх, а власти приняли суровые меры после подавления протестов на Тяньаньмэнь. По состоянию на 2001 год, согласно оценке уважаемого экономиста Ху Аньгана, коррупция уже составляла 13–16 % валового внутреннего продукта Китая – цифра, которая выглядит высокой, но все равно отражает тот факт, что коррупция разрасталась. Еще одна волна коррупции, судя по всему, захлестнула Китай после того, как центральное правительство осуществило стимулирующее влияние в экономику в размере пяти триллионов жэньминьби (*RenMinBi*, RMB – «народные деньги»⁵; около 750 миллиардов долларов США) в связи с мировым финансовым кризисом 2008 года. Ежегодно Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины (ЦКПД) издавала новые постановления о необходимости сокрушить коррупцию, но вероятность попасться и подвергнуться судебному преследованию оставалась низкой. Однако кампания Си Цзиньпина, начатая сразу же после его вступления на пост Генерального секретаря КПК в ноябре 2012 года, перевела усилия по борьбе с коррупцией на повышенную передачу.

Почему именно сейчас? Учитывая долгую историю коррупции – что послужило переломным моментом? Может быть, как предполагают некоторые, коррупция попросту достигла такого уровня, что начала угрожать продолжению правления КПК? Или – что близко к предыдущей версии – она угрожала легитимности партии наряду с такими факторами, как социальная нестабильность, требования верховенства закона, силы глобализации и так далее? А может быть, причиной была борьба фракций? Все эти факторы сыграли свою роль, но, несомненно, особая причина антикоррупционной кампании Си кроется в попытках опального функционера КПК Бо Силая отменить решение XVII съезда партии 2007 года (который назначил Си следующим партийным лидером) и занять руководящий пост самому.

История усилий Бо примечательна, и, несомненно, многие подробности останутся неизвестными надолго, если не навсегда. Но совершенно ясно, что партия – имеется в виду Центральный комитет и, в частности, руководство во главе с Председателем КНР Цзяном Цзэмином⁶ – решила, что Си Цзиньпин сменит Ху Цзиньтао на посту Генерального секретаря в 2012 году. Бо Силай даже не войдет в Постоянный комитет Политбюро, маленькую группу, в которой сосредоточена высшая власть. Примечательно, что именно Бо, родившийся и выросший в рядах партии, сын одного из «восьми бессмертных», определявших политику КПК в напряженные дни протестов на Тяньаньмэнь в июне 1989 года, решил выступить против решения КПК. Если у КПК и есть основное правило, оно гласит, что решениям необходимо повиноваться. Даже Чжао Цзяян, премьер, впоследствии обвиненный в расколе партии, не осмелился напрямую оспорить заявление Дэна Сяопина, что демонстранты на площади Тяньаньмэнь были «крайне малочисленной группой», вовлеченной в «спланированный заговор» по свержению социализма и правящей партии. Но Бо Силай без проблем разработал свою программу в Чунцине, огромном городе на юго-западе, где он возглавлял Коммунистическую партию, и представил себя бóльшим социалистом, чем те, кто властвовал в Пекине.

---

⁵ Жэньминьби – официальная валюта КНР, главной единицей которой является юань. Латинизированный символ – ¥. – *Примеч. ред.*

⁶ Генеральный секретарь КПК в 1989–2002 годах, Председатель КНР в 1993–2003 годах. – *Примеч. ред.*

Судя по всему, Бо также вступил в сговор с другими, чтобы добиться членства в Постоянном комитете Политбюро, в котором ему отказали. А если и существует правило строже, чем запрет оспаривать решения КПК, то это запрет создавать фракции, чтобы плести заговоры против руководства КПК. Подробностей этого заговора мы не знаем, но лично Си Цзиньпин заявил, что он существовал. По словам Си:

Среди дисциплины и правил партии нет ничего важнее политической дисциплины и политических правил. В последние годы мы расследовали серьезные нарушения дисциплины и закона со стороны высокопоставленных кадров, в частности, дела Чжоу Юнкана, Бо Силая, Сюй Цайхоу, Лин Цзихуа и Су Жуна. Совершенные ими нарушения политической дисциплины и политических правил партии были крайне серьезны, их следовало серьезно расследовать. Чем больше становилась власть этих людей, чем выше было их положение, тем больше они игнорировали политическую дисциплину и политические правила партии, вплоть до того, что стали совершенно беспринципны и безрассудны! Некоторые из них обладали раздутыми политическими амбициями и нарушили партийную организацию, ввязавшись в политические заговоры, чтобы аморально растлить и разобщить партию!

Это очень могущественные слова в лексиконе партии. Обвинение Чжоу Юнкана, бывшего члена Постоянного комитета Политбюро, и Сюй Цайхоу, бывшего вице-председателя Центрального военного совета, в участии в «политических заговорах», чтобы «разобщить партию», воспроизводит слова, которые не произносились с самой Культурной революции полувеком ранее. Они обращаются к самым глубинным расколам в партии накануне ее XVIII съезда в 2012 году.

Бо Силай был арестован за различные преступления еще до того, как Си стал Генеральным секретарем, поэтому он не входит в число 184 «тигров» (высших чиновников), затронутых кампанией против коррупции. Но очевидно, что ее целями были многие последователи Чжоу Юнкана, Лин Цзихуа, Сюй Цайхоу и других. Без сомнения, первой и важнейшей задачей Си была зачистка его политических оппонентов.

Но эта кампания не ограничивалась политической борьбой. Конечно, как показывает борьба против Бо Силая и других, самой главной проблемой было нарушение партийной дисциплины, угрожавшее дальнейшему существованию КПК. В глазах Си и его союзников партия столкнулась с серьезными угрозами, способными разрушить ее, так же как схожие угрозы уничтожили Коммунистическую партию Советского Союза. После восхождения на пост партийного лидера Си Цзиньпин высказался кратко: «Почему распался Советский Союз? Почему рухнула советская Коммунистическая партия? Важная причина тому – их идеалы и убеждения пошатнулись... В конце концов хватило одного тихого слова Горбачева, чтобы объявить о роспуске советской Коммунистической партии, и великая партия исчезла». И заключил: «Под конец никто не был настоящим мужчиной, никто не воспротивился». С тех пор он и его приближенные раз за разом взывали к призраку распада СССР. Впоследствии официальная ежедневная газета «Жэньминь жибао» опубликовала в качестве важного комментария следующее: «Сегодня исполняется 22 года с момента, когда исчез Советский Союз с его 74-летней историей. Уже более двух десятилетий Китай не перестает размышлять, как советские коммунисты потеряли Коммунистическую партию и нацию».

Что привело Китай к этому кризису легитимности? Как указывал Си, дело в утрате «идеалов и убеждений». А может быть, как сказал бы Си, будь он ученым, возник альтернативный дискурс, где подчеркивались «верховенство закона» и «институционализация», что подразумевало окончание революционной миссии партии в пользу институционализированного правительства. Эта альтернативная программа коренилась в собственной риторике КПК. После обнародования новой Конституции в 1982 году, вскоре после катастрофической Культурной

революции, КПК постоянно подчеркивала «верховенство закона». Так, Си Цзиньпин, выступая с речью на тридцатой годовщине опубликования Конституции, заявил: «Чтобы вести государственные дела в соответствии с законом, прежде всего мы должны руководить страной в соответствии с Конституцией. Ключ к удержанию власти в соответствии с законом кроется прежде всего в том, чтобы управлять в соответствии с Конституцией. Руководство партии формулирует Конституцию и закон, и сама партия должна действовать в рамках Конституции и закона, чтобы в полной мере довершить установление закона руководством партии, обеспечивая охрану закона и в первую очередь повинуюсь ему».

К несчастью для себя, некоторые либеральные интеллектуалы поверили, что эта речь означает намерение Си следовать либеральной программе, поддерживать верховенство закона и, в более широком смысле, зарождение гражданского общества. В январе 2013 года либеральная газета «Нанфанг Жуомо» отреагировала на риторику Си о «китайской мечте» и верховенстве закона и опубликовала передовицу с заголовком «Мечта Китая – мечта о конституционном правительстве». Идея «конституционного правительства» коренилась в правозащитном движении, развивавшемся на протяжении прошлого десятилетия. Его основной целью было использование законодательства не только для защиты прав граждан, но и для укрепления верховенства закона, а также для того, чтобы постепенно вынудить партию действовать только в рамках законности, тем самым воплощая в жизнь заявленные ею задачи. Хотя такое видение давало надежду на путь к «мирной эволюции», оно также подрывало легитимность партии. Эту опасность почуяли Си и другие руководители, и потому они сочли, что передовица в «Нанфанг Жуомо», привлекающая внимание всей нации, толкает Китай по пути бывшего Советского Союза. Двадцать второго апреля 2013 года Главное управление ЦК КПК выпустило Документ № 9, где подчеркивались семь областей, не подлежащих публичному обсуждению, начиная с конституционного правительства. В их число также вошли «всеобщие ценности», «гражданское общество», «свобода печати» и «исторический нигилизм».

Обеспокоенность КПК «историческим нигилизмом», который на самом деле означает написание хорошей, серьезной и честной истории на основе архивных изысканий – и неизбежно конфликтует с одобренной Партией историографией, – отражена в дискуссии о «двух тридцатилетиях», начавшейся в декабре 2013 года, когда приближалось 120-летие Мао Цзэдуна. Си и другим стало ясно, что излишний акцент на первых тридцати годах Китайской Народной Республики – суровом маоистском периоде – скомпрометирует последующие реформы, так же как излишний акцент на реформе чреват отвержением Председателя Мао, а значит – самой революции. В последние годы многие задавались вопросом, как революция почти семидесятилетней давности – неважно, в какой степени ее считают состоявшейся, – оправдывает нахождение партии у власти сегодня. В ответ Центральное бюро изучения истории КПК опубликовало не терпящую возражений статью, где утверждалось, что «отрицание» Мао Цзэдуна и маоизма (его политической философии) приведет к «серьезным политическим последствиям». Вновь воскрешая призрак крушения Союза, статья сообщала: «Важнейшей причиной распада Советского Союза и крушения КПСС является полное отрицание истории Советского Союза и КПСС, отрицание Ленина и других ведущих фигур, а также практика исторического нигилизма, смутившего умы народа».

Так же как и обсуждаемое в работе Родерика Макфаркухара усилие по укреплению руководящей роли Си Цзиньпина, кампания против коррупции напрямую связана с интерпретациями истории КПК и вопросами легитимности, поскольку возникновение коррупции прямо говорит об утрате «идеалов и убеждений» членами КПК. Если члены КПК утратили идеологическую ориентацию, их действительно следует ограничить посредством гражданского общества и верховенства закона. Но если вместо этого партийную дисциплину и идеализм можно восстановить путем борьбы с коррупцией – тогда, возможно, представление, что лишь правящая партия представляет истинные интересы и идеалы народа, жизнеспособно.

Жизнеспособно ли? Появление масштабной коррупции в рядах КПК отражает более обширные перемены в китайском обществе, так же как правозащитное и другие народные движения отражают появление более разнообразного, лучше образованного, более открытого и более вовлеченного общества. Это общество, которое, возможно, признает историческую ценность революции, но видит будущее более «демократическим», хотя и не дает точного определения, что это могло бы значить. Но, несомненно, это означает некую более масштабную, более контролирующую роль общества в том, чтобы коррупция не разъедала одновременно политическую систему и общественные нравы.

В настоящий момент кампания против коррупции идет уже четыре года. Арестованы были не только 184 «тигра» (чиновники уровня заместителя министра или выше), но и десятки тысяч «мух» (чиновники более низкого ранга). Но, как ни странно, не было предпринято никаких попыток теоретически обосновать, почему эта коррупция вообще существует. Официальная риторика осуждает эгоизм порочных чиновников, желающих извлечь выгоду из своего положения, чтобы обогатиться. Но какая-либо официальная дискуссия о том, как собственная структура партии создает стимулы для коррупции, до сих пор отсутствовала. А без откровенного признания этих скрытых структурных вопросов представляется затруднительным осуществить изменения, необходимые для уменьшения коррупции в будущем. До сих пор единственным структурным изменением было усовершенствование Комиссий по проверке дисциплины различного уровня в составе КПК, хотя не похоже, чтобы партия действительно хотела и дальше доверять вопрос своего существования этой сомнительного качества преторианской гвардии. Комиссии по проверке дисциплины и их предшественники никогда подолгу не играли определяющей роли в истории КПК, и когда в прошлом их роль временно усиливалась, их зачастую осуждали за различные эксцессы и снова ограничивали. Так что сейчас трудно представить, какие именно структурные изменения могут взять под контроль коррупцию, восстановить легитимность и обойти потребность в верховенстве закона и общественном контроле.

Хотя первоначальная атака антикоррупционной кампании была направлена против политических врагов Си, ее не следует рассматривать как простую борьбу фракций, пусть она и является частью этой борьбы, а скорее как составляющую широкомасштабных усилий по сдерживанию волны перемен в обществе, разъедающей легитимность КПК. По иронии судьбы, чем успешнее Си в краткосрочной перспективе, тем выше риск для политической и социальной стабильности в долгосрочной. Так или иначе, Си и правящей партии в целом следует задуматься о присоединении общественных сил, возникающих в Китае. Просто подавлять их недостаточно.

3. Мао все еще что-то значит?

Родерик Макфаркхар

Председатель Мао Цзэдун умер более сорока лет назад. За следующие четыре десятилетия Китай полностью преобразился и превратился в страну, которую Мао не узнал бы. Китайский народ, отпущенный на волю «политикой реформ и открытости» Дэна Сяопина, превратил отсталую сельскохозяйственную страну во вторую по величине экономику мира и его промышленную мастерскую. Сотни миллионов китайцев стали состоятельными людьми, сотни тысяч китайских туристов ездят по всему миру, скупая предметы роскоши, и появились даже миллиардеры. Китайско-американское сближение, начало которому положили Мао и Ричард Никсон в 1972 году, после смерти Председателя успело переплести обе страны множеством связей на всех уровнях: официальном и народном, экономическом и образовательном, политическом и военном.

Китай действительно «поднялся» и представляет собой силу, с которой считаются все, особенно соседи. Пожалуй, Мао был бы в восторге от этой силы. Но как насчет его мечты о равенстве и коллективизме времен Культурной революции? Сейчас Китай – одна из стран с самым выраженным неравенством, и дело не только в миллиардерах, руководящих частными компаниями. Насколько релевантен сегодня маоизм? Сохраняют ли сегодня портрет Мао на Тяньаньмэнь и мавзолей на площади хоть какое-то политическое значение? Мао все еще что-то значит?

Никто не осознает важность этих вопросов отчетливее, чем сегодняшний правитель Китая Си Цзиньпин. Председатель Си постоянно предостерегает китайцев против деления истории КНР на маоистский и реформаторский периоды. Он опасается, что подобное деление будет подразумевать, что один период был плохим, а другой хорошим – как сталинский и послесталинский (после «тайной речи» Хрущева в 1956 году, разоблачавшей Сталина) периоды в советской историографии. Си высоко ценит базовые элементы ленинского государства, учрежденные при Мао в 1949 году, так как отчетливо видит в них единственный способ сохранить правление Коммунистической партии в будущем.

Что это были за элементы? Первым и главным из них был сам Мао, величайший лидер, увенчанный лаврами революционной победы. Он принял лидерство после того, как другие претенденты потерпели поражение. С помощью соратников он выковал из Коммунистической партии и ее армий строго дисциплинированные и высоко мотивированные институты, которые одержали победу в гражданской войне против националистов и с тех пор правили Китаем. Новой государственной идеологией стал марксизм-ленинизм, но идеи Мао о войне и мире, оформленные в виде маоизма, были основой управления страной.

Мао наблюдал за масштабными сдвигами в начале 1950-х годов, распространившими правление коммунизма по всему Китаю без остатка, и именно он принимал основные политические решения в те двадцать семь лет, что он прожил после революции. Мао инициировал отказ от «новой демократии» в пользу быстрого продвижения к социализму; после торжества сельской коллективизации именно Мао стал инициатором оттепели, превратившейся в относительно либеральную эру «ста цветов»; и именно он затем повернул в сторону антиправой кампании. В последующей фазе левого уклона Мао придумал «Большой скачок», движение за социалистическое воспитание и, наконец, Великую пролетарскую культурную революцию. Несмотря на эти катастрофы, к концу жизни Мао никто не смел бросить ему вызов. Как бы то ни было, его личность обладала выдающимся масштабом, приводя в благоговейный ужас всех соратников и возвышаясь над страной, словно колосс, которому все китайские граждане были приучены поклоняться. Есть признаки, что Си стремится к роли подобия Мао.

Си резко отличается от своих непосредственных предшественников, Цзяна Цзэминя и Ху Цзиньтао, – он не стал склоняться перед коллективным лидерством, а ясно дал понять, что является верховным правителем. Тому есть два основных доказательства. Во-первых, помимо должностей, которые всегда были связаны с постом Генерального секретаря – председательство в Центральном военном совете КПК и должность главы государства, – он взял на себя руководство другими важнейшими комитетами: новым Комитетом национальной безопасности, в чьей юрисдикции находятся армия, полиция и все национальные агентства безопасности, связанные с зарубежными странами, новой Центральной ведущей группой по всеобъемлющему углублению реформ, имеющей преимущественную силу по отношению к правительственному Государственному совету (возглавляемому вторым официальным лицом режима, премьером Ли Кэцзяном), который традиционно отвечал за экономические вопросы, а также центральными ведущими группами по иностранным делам, интернет-безопасности и информационным технологиям.

Второй признак решительного намерения Си стать верховным лидером Китая в духе Мао – рано развившийся вокруг него культ личности. Его работы опубликованы большими тиражами, а книга «О государственном управлении», изданная в нескольких переводах, легко доступна в западных книжных магазинах. (В рамках продолжающихся попыток Фейсбука закрепиться в Китае Марк Цукерберг приобрел несколько экземпляров, чтобы его сотрудники могли узнать о «социализме с китайским лицом».) Внутренний культ Си Дада («Дядюшки Си») стремится внушить любовь к нему каждому встречному, а те, кто не может дня прожить без политических новостей, регулярно видят его имя в многочисленных заголовках «Жэньминь жибао». Его стильная и привлекательная супруга Пэн Лиюань («Мама Пэн»), популярная исполнительница народных песен и вдобавок генерал-майор, дополняет образ могущественной пары властителей Китая. В постмаоистский период еще ни одна жена лидера не была настолько публичной фигурой. Культ личности Си никогда не достигнет немыслимых высот Мао времен Культурной революции – тридцать пять лет реформ и открытости, несомненно, стали для большинства населения прививкой от слепого почитания какого бы то ни было лидера. Но Си, возможно, удовлетворится нерассуждающим послушанием, основанным на страхе.

Вторым ключевым элементом маоистского государства была, конечно, партия, через которую Мао с соратниками правили Китаем. В их первом штабе в Яньане, до прихода к власти, кадры учились быть хорошими коммунистами на работах опытного лидера (и впоследствии Председателя) Лю Шаоци, чьим девизом было «служить народу», а высшей целью – превзойти «неутомимый винт» партийной машины, героического солдата 1960-х годов Лэй Фэна. Несомненно, коррупция существовала и при Мао, но различные кампании держали ее в узде, и лидеров она, похоже, не затрагивала. Им, как части того, что югославский теоретик-диссидент Милован Джилас назвал «новым классом», была легкодоступна любая возможная роскошь. Пробуксовка партийной машины и физическое и ментальное избиение, которому подверглись ее члены во время Культурной революции, подорвали результаты их люистского обучения. Зачем служить народу, если награда такова? Лучше уж принять девиз эры реформ: «Обогащаться – достойно». Результатом, по мнению тех, кто возглавлял КПК в период реформ, стала массовая и обширная коррупция в рядах чиновников – явление, повредившее престижу и легитимности партии в глазах китайского населения, ежедневно сталкивавшегося с ними. Задача всесторонней антикоррупционной кампании Си Цзиньпина – восстановить репутацию партии, вернуть народную поддержку и отразить любые угрозы ее дальнейшей безграничной власти.

Но антикоррупционная кампания – оружие обоюдоострое, напоминающее об одном высказывании, когда-то популярном в Китае: «Если мы не искореним коррупцию, может закончиться Китай, но если мы искореним ее, может закончиться партия». Если кампания продолжит целиться в «тигров» вроде Чжоу Юнкана, члена Политбюро, ответственного за внутреннюю безопасность, Си может оказаться под угрозой ответной реакции элиты, которой не

хочется, чтобы их репутация или репутация их семьи оказалась запятнанной, и тем более не хочется оказаться в тюрьме или лишиться несправедливо нажитого имущества. Что же до рядовых членов партии, «мух» в этой кампании, уже сейчас видны признаки инертности, так как обладатели скромных должностей избегают любых действий, способных спровоцировать обвинения в коррупции. Сохранится ли приток новых кадров, если исчезнут финансовые преимущества членства в КПК?

Третьим элементом маоистского государства, объединяющим лидера, партию и народ, была идеология – марксизм-ленинизм, должным образом дополненный маоизмом. Нет никаких признаков, что Си намерен подражать Мао, превратив Китай в сияющий революционный маяк на холме. Во всех его речах о китайской мечте также нет никаких намеков, что он планирует возрождение конфуцианства. Скорее он вновь обратится к опыту Дэна Сяопина, обозначившего марксизм-ленинизм и маоизм как компоненты четырех кардинальных принципов нации, не подлежащих оспариванию. В то время как в его время это действительно означало откладывание идеологии в сторону, Си чувствует необходимость оживить коммунистическую идеологию как сверкающий бастион китайской исключительности, обеспечить гражданам прививку от западных демократических идей. Вероятно, именно в ответ на тревоги Си Пекинский университет провел осенью 2015 года всемирную конференцию по марксизму, пригласив на нее около семидесяти иностранных марксистов (и по меньшей мере одного иностранца немарксистских взглядов – автора этой статьи). Уже выделены средства на следующую конференцию. И все же, как снисходительно заметил вполголоса один из участников, «марксизм ничем не поможет китайцам, но им никуда от него не деться».

В самом деле, перед Си стоит незавидная задача. Может быть, в 1949 году китайцы и не были «бедными и отсталыми», как когда-то описал их Мао, но при крепко стоящем у власти новом режиме они были, по крайней мере, уверены, что его идеологию следует уважать. Однако с тех пор китайцам пришлось вынести нелепые объемы, до которых раздулось изучение маоизма во времена Культурной революции, и все лишь для того, чтобы увидеть смещение идеологии, когда Дэн объявил, что «практика – единственный критерий истины», и открыл страну для любых западных идей. На сегодняшний день эра реформ уже продлилась почти сорок лет – почти на десять лет дольше, чем маоистский период. На молодых китайцев было оказано огромное влияние.

В частности, взлетел спрос на образование на Западе. Количество китайцев, обучающихся только в США, в 2005–2006 годах составляло более 62 500; к 2015–2016 годам их число превысило 328 000. И еще многие тысячи учатся в филиалах иностранных университетов на территории Китая. Большинство китайских семей, отправляющих детей в иностранные учебные заведения, могут оплатить учебу из собственных средств и потому не зависят от государственных стипендий. Как Си собирается остановить это массовое бегство из китайских колледжей? Несколько лет назад он давал чиновникам указания забрать детей из иностранных школ. В то же время дочь самого Си была на середине бакалавриата в Гарварде. Она не ушла – она закончила учебу. Какой пример это подает другим семьям чиновников, не говоря уже о семьях, не связанных с государственной службой?

Конечно, сегодняшние китайские студенты совсем не похожи на тех, кто впервые стал учиться за рубежом после Культурной революции, когда некоторые студенты смотрели на Запад в поисках новых идей правления, способных вывести Китай из хаоса последних лет Мао. Сегодня китайские студенты – выходцы из гордо встающей во весь рост нации, которые прекрасно сознают ее экономическое и дипломатическое влияние. Большинство из них настроены патриотически и, вероятно, рассматривают западное образование как прекрасный фундамент для своей карьеры, а не как воздействие идеалов демократии. И все же маловероятно, чтобы по возвращении в Китай они приняли кредо одного немецкого философа середины XIX века, основанное на анализе раннеиндустриальной Британии. Может быть, Китай Си Цзиньпина и

провозглашает марксизм своей объединяющей идеологией, но это лишь декорация. Его место в конце концов займет мысль Генерального секретаря Си, как при Председателе это было с маоизмом.

Последним элементом маоистского государства была Народно-освободительная армия (НОА). Мао всегда заботился о том, чтобы его поддерживало большинство полководцев, особенно когда столкнулся с такими героями революции, как маршалы Пэн Дэхуай и Линь Бяо. Си Цзиньпин, очевидно, не может претендовать на революционные лавры Мао, а потому ему нужны более явные средства указать на поддержку НОА. Ранее в своем правлении он убедил восемнадцать генералов написать короткие статьи в «Жэньминь жибао» с заверениями в лояльности. Затем он принял новое военное звание: Главнокомандующий объединенного штаба Центрального военного совета. По случаю объявления этого титула Си появился в военной форме, намекая, что, в отличие от любого из своих предшественников, он будет командующим на поле боя, если возникнет такая необходимость. Но будут ли готовы полководцы НОА спасти Си в случае политического кризиса, как спасали Мао во время Культурной революции и Дэна Сяопина на Тяньаньмэнь, – пока неизвестно.

Си Цзиньпин отправил Китай назад в будущее с удивительной скоростью. Восстанавливаются маоистские институты и ценности, хотя в некотором отношении политика Си обозначает четкий разрыв с маоизмом. Хотя Председатель сознательно дал китайской молодежи свободу вершить революцию, в Китае Си Цзиньпина не намерены терпеть самоуправство, даже в случае борьбы с коррупцией. Разоблачители имеют шансы оказаться в тюрьме. И все же Мао – центр притяжения режима Си, высшее оправдание его политики и роли в государстве и обществе. Так что портрет Председателя и дальше будет висеть на Тяньаньмэнь, а граждан продолжат сгонять в его мавзолей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.